

ЭХО

ОСЬМИ

ГОЛОСОВ

Стихотворения

Коллективный сборник

ЭХО ВОСЬМИ ГОЛОСОВ

Новокузнецк

2014

Василий Гуляев

г. Ленинск-Кузнецкий

31

Гуляев Василий Дмитриевич родился 6 декабря 1949 года. В начале 60-х годов семья переехала жить в Казахстан в город Балхаш. Стихи начал писать в школьные годы, но первые публикации появились в армейской газете «Фрунзевец», когда служил в армии в Узбекистане. Отслужив, вернулся в Балхаш, стал участником Лито «Прибой», печатался в городской газете «Балхашский рабочий», в областных и республиканских газетах. В 1991 году вышел коллективный сборник стихов поэтов Джезказганской области «Сарыарка саздары». В 1994 году переехал жить в город Ленинск-Кузнецкий. С этого же года участник литературной группы «Парус». В ноябре 2010 года была издана первая книга – стихотворная сказка «Максим – медвежий сын». Через два года вышла вторая книга стихов – «Вехи». Проживает в г. Ленинск-Кузнецкий.

Русская баня

Давно, во времена скитаний,
И нынче, обрета причал,
Я ничего полезней бани
Здоровой, русской, не встречал.

У нас на пасеке, где были
Случались чаще небылиц,
Её по-чёрному топили –
Мой прадед был специалист.

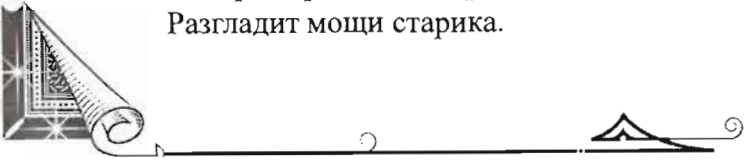
В любую пору непреклонно,
Всегда в субботу, вечером,
Из той избушки отдалённой
Тянуло весело дымком.

В котлах и кипяток, и щёлок
На печке-каменке бурлят,
На стенке – зеркала осколок,
На лавках шайки и ушат.

«Топить по-чёрному – наука,
Тут важно вытеснить угар», –
Дед посвящал в премудрость внука
И брал с собою в первый жар.

Ополоснув полок от сажи
И вознесясь туда, как в рай,
Он сверху мне – мальцу прикажет:
«Поддай парку! Ещё поддай!»

Подарок трепетной берёзы
Разгладит мощи старика.

Он после той метаморфозы
Довольный спустится с полка,
Окатится водой студёной,
Меня наверх пошлёт кивком.
Парильщик новоиспечённый
Прилежным был учеником.

Потом другою стала баня –
Уже по-белому, с трубой,
Но прадед, я его звал – батя,
Всегда водил меня с собой.

В ней стены чище, в самом деле,
В ней не был слабым лёгкий пар,
Листочки веников блестели,
А батя забывал, что стар.

Тот банный дух и свежий веник
Все хвори изгоняли прочь.
Жаль, не вернуть назад мгновений,
Чтоб нам теперешним помочь.

Настали времена иные –
Всем правит «золотой телец»,
В родном краю мы как чужие,
И русский дух почти исчез.

В субботу внук со мной на пару
Забрался в бане на полок:
«Поддай побольше, батя, пару!»
Я отказать ему не мог.

Старые счёты

Опять свожу со снегом счёты,
Пускай не насмерть – на живот,
Его и так уже до чёрта,
А он идёт, идёт, идёт.

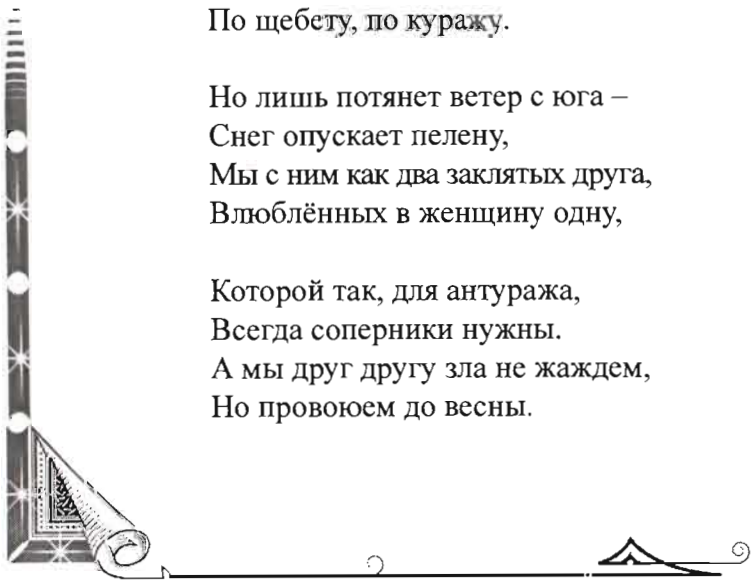
Растут сугробы вдоль дорожек,
Вон птицы потеряли страх –
Они, мою завидев рожу,
Уже не прячутся в кустах.

34

Я воробьишкам и синицам
Горбушку хлебную крошу
И различать их стал по лицам,
По щебету, по куражу.

Но лишь потянет ветер с юга –
Снег опускает пелену,
Мы с ним как два заклятых друга,
Влюблённых в женщину одну,

Которой так, для антуража,
Всегда соперники нужны.
А мы друг другу зла не жаждем,
Но провоюем до весны.

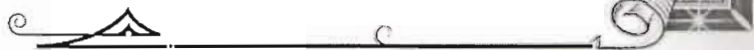
Не поладил с весною – прошла стороной, не взглянув.
У чужих очагов согревал я озябшие руки.
Сколько в мире дорог, но судьба подарила одну,
Да и ту, по которой приходят разлуки.

Торопливое лето хлестало дождём по лицу –
По обеим щекам, как учили всеильные боги.
Позабылась мечта, растворясь в суете, как в лесу,
А теперь вот заметил, что осень стоит на пороге.

35

Так хоть ты не спеши, заходи, ты ещё молода,
И в ладонях твоих теплоты сохранилось не мало.
Мне с тобой повезёт, и пока не случилась беда,
Я ещё отыщу то, чего до сих пор не хватало.

Только ты задержись, загостись и подольше продлись,
Я с тобой научусь и заботливым быть и смиренным.
И с приходом твоим навсегда переменится жизнь...
А вот будут ли к лучшему в жизни моей перемены?

Не скулила, не выла...

Не скулила, не выла, не лаяла,
Видно, всё про себя поняла,
Трое суток в молчанье промаялась,
На четвёртые – померла.

Мне жена – чтоб собака не мучилась –
Говорила: «Сноси на укол».
Что придумала баба дремучая,
Я – безбожник – на то не пошёл.

36

Вот коробку с останками сучьими
Закопал в недалёком леске.
Ель качнула колючими сучьями,
Я о вечном подумал в тоске.

«Если вдруг, может, в новой наружности
Ты, дворняга, воротишься в жизнь –
Ты, столкнувшись с моею супружницей,
Зла в себе на неё не держи».

Цифровое

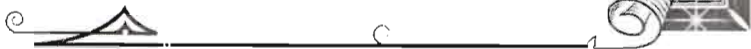
Им сомнений неведомы муки,
Мир естественный больше не свят –
Мудрецы современной науки
Всё на свете оцифровать хотят.

Звук со светом в две цифры загнали –
Обошлись «единицей» с «нулём»,
Не с того ли на каждом канале
Нас пугают знакомым жульём?

Словно клоны – похожие лица.
И нудят, как в тайге комарьё.
Неужели в «нули», «единицы»
Распечатают тело моё?

Оператор под барышни лепет,
Расчленив на цифры меня,
Лишний «ноль» по ошибке прилепит,
И придётся себе изменять.

И неважно – убог ли, красив ли
Окажусь я душой, изнутри,
Если всё же разложат на цифры,
Пусть меня – ну хотя бы на три.

Календарь

Исхудал календарь отрывной,
Не протянет он зиму вторую,
Но следит по привычке за мной
И посуточно время ворует.

Куrolесит в проулке метель,
На ветру разлохматила космы,
А на площади к празднику ель,
Как ракету, нацелили в космос.

И такая снегов круговерть,
И такая души неприятность —
На ракете бы той улететь,
Но не в космос — в далёкую юность,

Где спешил за мечтою я вдаль,
Раздвигая плечом непогоду,
И не думал, что мой календарь
Похудеет на финише года.

Сибирь, конечно, не Паттайя –
Ещё хозяйкою – зима,
Но что-то, в воздухе витая,
Влетает с улицы в дома.

Уже оттаяли улыбки,
Становится лучистым взгляд,
И даже петли на калитке
День ото дня нежней скрипят.

Пусть всё пройдёт неповторимо,
Но каждый год и каждый март
Влюбляюсь я в глаза любимой,
Как много лет тому назад.

39

О вечном

Молодые ветра пролетели
Вдоль опушки, что солнца полна,
Где берёзок тугие бретели
Поправляет стесняясь весна.
Проклевала поляна пригорком
Потемневших снегов скорлупу,
Я печалей нарощую корку,
Как коросту с души, сколупну,
Водружу над избою скворечник,
Чтобы вывелось больше скворчат,
Пусть позвонче их песни о вечном –
О любви и о жизни звучат.

Угостите даму сигаретой

На платформе, полднем разогретой,
Где поодаль местный «сад камней»,
«Угостите даму сигаретой», –
Обратилась женщина ко мне.
Под шофе, в нелепом макияже,
С плутовским прищуром серых глаз.
Что такой ответить – сразу даже
Не нашёлся бывший ловелас.
«Не курю», – сказал я Фее улиц,
А она явила интеллект:
«Извините, сударь, – улыбнулась,
Показав зубов недокомплект. –
У меня любовник пел в «Ла Скала»,
Я была безумно хороша,
Молодая, с чувственным оскалом¹...
А теперь вот нету ни гроша».
И она хихикнула некстати.
Чтоб отстала, выгреб мелочь ей:
«Вот, сеньора, на табак Вам хватит».
И шагнул к «икарусу» скорей.
Из окна увидел, что к «бомбиле»
Прикурить придвинулась она.

Ведь когда-то и её любили, –
И кому теперь она нужна?

¹ Строка С. Есенина.

Отлегло

То ли время быстрее убегает,
Или я от него отстаю,
Вот и жизнь совершенно другая
Наступила в родимом краю.

Здесь, где в прошлом
 когда-то цыганка
Нагадала мне даму крестей –
От её предсказаний – изнанка
И толпа нежеланных гостей.

Я скучаю по дружеским взглядам,
Опротивело слушать враньё.
Кто командует нынче парадом?
Кто отечество губит моё?

Защемило опять в подреберье
От волною накрывшей тоски,
Словно я выбираюсь на берег
Из потока бурлящей реки.

Только парень – душа нараспашку –
Протянул мне на помощь весло:
«Эй, цепляйся покрепче, папаша!»
И на сердце моём отлегло.

Рыцарский роман

Поха не очумел от домоседства,
Я по примеру славного идадьго
На подвиги во имя дамы сердца
Пушусь на Росинанте двухпедальном.

Родимый край по-прежнему заманчив,
В любую, даже скверную погоду
Моя Сибирь прекраснее Ламанчи,
Хотя на Пиренях не был сроду.

42

А наши сосны выше ихних мельниц,
Бери копьё, сражайся, коль угодно,
Но я – с природой драться не умелец,
Не по душе и как-то старомодно.

Ведь подвиг – не сражение, а поступок,
Вот прикачу к своей любимой босым,
Она оценит, скромно взгляд потупит,
Не то что Дульцинея из Тобосо,

Введёт меня в свой замок пятистенный,
Лафитники достанет из серванта.
А дальше мы отступим с ней от темы,
Которую открыл старик Сервантес.

